

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

— Анастасия Александровна, вас, наверное, не удивит, если я спрошу: чем сейчас живете?

— Я переиздала книгу мемуаров отца "Дорогой длинно!" роскошным подарочным изданием. Выпускаю его диски. Например, вот этим.

— А в театр ходите, фильмы новые смотрите?

— О да, конечно.

— Неужели все не нравится?

— Нравится, и многое. Я даже не так давно сделала антрепризу "Имаго" с режиссером Ниной Чусовой. Но это вовсе не значит, что я вернусь в театр. Я же на сцене с юных лет: сначала в "Современнике", потом был МХАТ, параллельно — Театр Вахтангова, Театр на Малой Бронной, Театр Пушкина. Вот это все я уже прошла.

— Скучно стало?

— Не в этом дело. Дело в том, что я категорически не смогу больше шагнуть в эту структуру, которая называется коллектив. Понимаете, если бы вы когда-то сидели в лагерях, даже если при этом ваша жизнь там была замечательной, даже если рядом с вами находились ярчайшие интеллигенты, интересные собеседники, то, предположим, выйдя оттуда, где вы несправедливо страдали, но были при этом счастливы, вы уже не возьмете путевку в санаторий, ограда которого сделана в стиле колючей проволоки. Точно так же для меня и театр. Это и безумное пристрастие, это и мои лучшие годы. Но все, что называлось советским театром, я возненавидела на всю оставшуюся жизнь. Понимаете, рано или поздно наступает день и час, когда ты не хочешь, чтобы тебя равняли под одну гребенку. Говоришь: "Минуточку. Я хочу выйти и сыграть эту роль так, как я хочу". А жить за колючей проволокой, под знаком железной диктатуры... Может, это не столько относится к Волчек...

— Сколько к Ефремову?

— Бесспорно. При всей моей любви к нему, при всем уважении. Но наступает момент, когда ты уже не можешь терпеть. Я всегда привожу этот пример из "Дяди Вани". Дядя Ваня кричит Серебрякову: "Я каждую копейку собирал и отсылал тебе. Я работал для тебя. Ты загубила мою жизнь". А Серебряков ему отвечает: "Помилуй, я же тебя не просил об этом". Вот эти взаимоотношения у меня и сложились с театром. Он меня не просил фанатеть от него. Это я на алтарь театра несла все, что у меня было в жизни. Все мои невзгоды, и разрывы с людьми, и муки, и радости — что хочешь. Поэтому я, как Дядя Ваня, кричу: "Я не жил!"

— Сейчас, значит, навёрстываете упущенное?

— Конечно. Именно сейчас мне интересно жить. Можно преподавать, можно ездить, можно видеть европейские театры, можно выпускать книгу отца, можно реставрировать его голос. При этом не могу сказать, что ушла из профессии. Что мне предложили какую-то замечательную роль, а я взяла и почему-то отказалась. Такого не было. У меня ведь и в прежние времена случались огромные перерывы. Когда в советском кино была востребована категорически производственная тематика, в которую я ну никак не могла вписаться. А сейчас мой перерыв называется по-другому.

— Интересно, как?

— Он называется: "я не хочу играть маму киллера". Потому что не вижу в этом надобности. Во-первых, это не нужно зрителю. Во-вторых, это совершенно не нужно мне. Ну и в-третьих, я, слава богу, не голодаю.

— Если вспомнить о самом начале. Вам 15 лет. Вы сыграли Ассоль в "Алых парусах", потом Гуттиэре в "Человеке-амфибии". И стали знаменитой на весь Советский Союз. Тяжелое испытание для девочки-подростка?

— Тут скорее вопрос не возраста, а моего образа жизни. Я была домашним ребенком, по натуре я люблю уединение, книги, какие-то камерные встречи с друзьями. Поэтому я не была готова к тому, что на меня накиснет толпа. Не могла выйти никуда. Ездил на троллейбусе в Театральный институт, и это была пытка...

— Но ведь это от большой любви к вам.

— Понимаете, ты сидишь дома, и тебе звонят в дверь, хохочут и убегают. И вся лестница с пятого этажа круглые сутки полна девчонками-фанатками. Как вы считаете? И так каждый день. А в очереди за продуктами... Бабушка мне сказала: "То, что ты артистка, меня не волнует. Как ходила в магазин, так и будешь ходить". И никакой платок, никакие очки меня не спасали. Я ставила автографы на руках, на ногах, на колбасе, на паспорте. И ничего не могла поделать с этой толпой. У меня на всю жизнь от этого шок. А еще, представьте себе, ты едешь в Ленинград на кинопробу. И к тебе в купе приходит весь состав. С бутылками коньяка, который я на дух не переношу. С пьяными криками: "О, Гуттиэре!" Может, какому-то человеку, который приехал из провинции и мечтает о славе, это покажется раем небесным. А я до сих пор боюсь толпы, зажимаюсь, когда вижу перед собой много народа. Меня до сих пор бьет озноб.

— Своего рода комплекс?

— Естественно, это и есть комплекс. Я избегаю всего. И телевидения, и корреспондентов. И всех вообще избегаю. Потому что все это разрушает мою жизнь, мой мир. Мне этого не надо.

— Мужское внимание в тот период для вас тоже было невыносимо?

— Мужчины были для меня неотделимы от этой агрессивной массы.

— А как же период первой влюбленности?

— Я не могла влюбиться в кого-то из толпы. Круг общения был резко очерчен.

— Я знаю, что два ваших бывших мужа — люди очень известные. А вы могли бы себя представить женой, скажем, инженера?

— Мне кажется, я не нашла бы общих тем с инженером. Для меня общение близкое все равно должно быть как-то связано с творчеством.

— А знаете, многие актеры, когда их спрашивают: кто по профессии ваша жена, отвечают: "Слава богу, не актриса".

— Дело в том, что наша профессия предполагает в человеке гипертрофированное "я". И чем больше свое "я", тем ты сильнее как артист. Жить с таким человеком очень трудно... Не говоря уже о том, что я очень рано поняла, что брак — просто не моя стихия.

— Одиночество — ваша стихия?

— Да, мне нужно, чтобы никого рядом не было. Брак — это аскеза своего рода. Когда ты эту аскезу надеваешь на себя, ты лишаешь себя чего-то. И безусловно, совершаешь подвиг. Я на этот подвиг не способна. Все очень быстро мне кажется рутинным, неинтересным, скучным.

— В первом браке с Никитой Михалковым вас, если не ошибаюсь, хватило лишь на четыре года.

— Двум сильным личностям трудно ужиться. Скорее всего из-за этого мы не смогли жить вместе. Господь распорядился так, что Никита был послан мне, чтобы у меня родился сын. Мой единственный сын Степан, которого я обожаю и который очень много значит в моей жизни. А брак как таковой для меня вещь тяжелейшая, некомфортная. Вы понимаете, есть ряд профессий, которые невозможно представить без уединения. Того, что бабы называют одиночеством. Вот как

"Двум сильным личностям трудно ужиться вместе". Звездная пара советского кино: Анастасия Вертинская и Никита Михалков.

вы представите себе поэта, живущего без конца на людях? Это невозможно. Когда он будет писать стихи? Нужно уйти от своей Натали, чтобы у тебя появилась Болдинская осень. Хотя бы для того, чтобы ты страдал по этой Натали и свои страдания выливал на бумагу.

— Сейчас ваше общение с Михалковым можно назвать высокой дипломатией?

— Дело не в дипломатичности. У нас общий сын, во-первых. И во-вторых... Это такая пошлость, когда люди, разойдясь, пишут друг про друга мемуары. Дескать, он подлец, обманул меня, бросил... Когда проживаешь жизнь, то сквозь призму времени и своего возраста понимаешь, что молодость тебе дана была именно для того, чтобы ты любила, рыдала на плече у подруги, вскрикивала: "Ах, он подлец..." Но сейчас уже ты понимаешь, что все не так — это были просто страсти, которые похлепали...

— И улеглись?

— Да. Было бы смешно, если бы у нас не сохранились хорошие отношения. Никита — очень добрый человек, и если я к нему обращаюсь, то никогда не получаю отказа. Хотя у нас нет такого, чтобы мы прошлыми и нынешними семьями собирались на даче и вместе пили чай.

— Вторым вашим мужем, насколько я знаю, был Александр Градский...

— Если можно, я ничего не хочу на эту тему говорить.

— Тогда, если можно, я спрошу вас об отце. Знаете, когда мужчина в возрасте заводит ребенка, кто-то скажет: "Какой молодец!", а кто-то: "Какой эгоист, кто же дитя растить-то будет?"

— У папы действительно было позднее отцовство. И он обожал дом, семью. Очень много гастролировал, мы его редко видели. Но, когда он возвращался домой, это был праздник. Все готовились, бабушка пекла пироги, собирались друзья, гости. Папа был для нас с сестрой как Дед Мороз. Восторгался, например, тем, что у меня "двойки", никогда не вмешивался в проблемы воспитания. Просто подарок, за который мы с Машей ожесточенно боролись.

— Ревновали, что ли, друг к другу?

— Ужасно. Особенно я. У меня была просто патологическая ревность к Маше. И он это знал. Если у сестры был день рождения, точно такой же подарок папа вынужден был дарить и мне. Иначе я могла не разговаривать с ним по две недели. Мне казалось, что только тому, кого безумно любишь, можно подарить куклу в розовом и только тому, кого ненавидишь, — в голубом. Может быть, я чувствовала, что очень скоро отца потерею. А потому жаждала владеть им только одна, чтобы он принадлежал только мне.

— Когда ваш отец умер, вам было тринадцать?

— Двенадцать с половиной. Но, знаете, папа был настолько необыкновенным человеком, что его трудно было не запомнить. Он был ярким, остроумным, с нами выстраивал отношения как с маленькими женщинами, делал нам комплименты. Меня он называл Майская Ночь, а Машу — Солнце в Консервах.

— Майская Ночь — лучше, чем Солнце в Консервах.

— Не знаю.

— Или вам казалось, что только того, кого ненавидишь...

— Меня бедность миновала, слава богу. Мой сын в бизнесе, он все-таки ресторатор, и у меня абсолютно нет никаких проблем. Я и сама зарабатываю деньги. В этом бизнесе есть и моя доля.

— Значит, вас тоже можно назвать ресторатором?

— Нет, меня совсем нельзя назвать ресторатором. Меня можно назвать кулинаром. Я обожаю готовить.

— А в меню ресторанов сына входит ваше фирменное блюдо?

— Пока нет, но Степа хочет, чтобы было.

— Но для себя же готовить неинтересно. А живете вы одна...

— Совершенно верно. Но как когда-то у Александра Николаевича собирались гости, так же и у нас каждый уик-энд приезжает на дачу огромное число людей. И это всегда застолье. А у себя в квартире я не готовлю, здесь у меня совсем другие занятия. Я читаю, слушаю музыку...

■ ■ ■

— То, что у вас юбилей, это не секрет?

— Нет, конечно.

— Значит, возраст вас не пугает?

— Старости я не боюсь, я боюсь дряхлости.

Дряхлость — это когда человек беспомощный. А старость — нормальная фаза человеческой жизни, никто не уйдет от этого. Нет, меня ничто не смущает.

— И в самом деле, что вас должно смущать — выглядите лет на двадцать моложе.

— Дело не в этом. У меня энергии пока что очень много. Своих шестидесяти я просто не чувствую.

— Глядя на вас, не удержусь от глупого вопроса про секреты красоты.

— У меня есть только один секрет. Вы знаете, на лице человека отражаются, к сожалению, все его пороки. Поэтому лучше всего: не быть злым, не гнобить никого, не завидовать и не ревновать. Когда я замечала, как человек, который мне нравится, вовсю кокетничает с другой женщиной, я просто поворачивалась к этой мизансцене спиной. Не зря я называю себя римским легионером — не по-женски вела себя в такие минуты. Но все равно человек делает выводы. Около тебя должны быть люди, которые не предадут. Потому, что я не в браке, я защищена от того, что муж в мои шестьдесят не уйдет от меня к молодой женщине.

— Если у вас нету детей?..

— Да, это очень хорошая песня. (Вторая улыбка за вечер.) Я не испытываю этих потрясений, не нервничаю: где он там задержался. Я свободна.

— Это очень хорошо. Но относительно секретов красоты, бытовых, прозаичных, вы мне так и не ответили.

— Относительно секретов... Свое свободное время я с удовольствием трачу на то, чтобы заниматься всем, что предлагают наши косметические салоны...

— Ну наконец-то.

— Массаж, маски... С удовольствием ложусь в кресло, закрываю глаза и доверяю себя профессионалам.

— Не секрет, что многие актрисы обращаются к пластическим хирургам. Вас это не миновало?

— Какое это имеет значение, объясните, пожалуйста? Одно могу сказать: я видела красивые лица старых женщин. Например, Тамара Макарова. Она была потрясающе красива в старости. Лицо ее было благородно, глаза лучились. Вот это должно стать идеалом каждой женщины.

— Почему спросил про операции. Современные женщины, которые считают себя свободными, говорят: "Это естественно. Как зубы почистить перед сном".

— Но есть предел, когда ты не должен смешить людей. Не нужно в 70 лет делать вид, что ты прыгаешь как молодая козочка. Вот это смешно...

— 69.

— Что?

— Ей 69.

— Ах, да — 69... (Вертинская наградила меня третьей и последней за разговор улыбкой.) В каждом возрасте своя органика. А говорить, что я молодая... Ну какая ты молодая, когда все знают, сколько тебе лет?

■ ■ ■

— Анастасия Александровна, у вас с сестрой не возникает какой-то подспудной, может быть, ревности к успехам друг друга?

— Никогда. Наоборот, Маша всегда просит: "Пойди посмотри, как я сыграла". Ей важно мое мнение. И я всегда ее поддержу. Сейчас вышел фильм "Влюбленные-2", где я отказалась сниматься. И тогда утвердили Марианну. Я была на премьере и очень за нее порадовалась.

— О другой громкой премьере. Которая, увы, не состоялась. Десять лет назад вы сыграли Маргариту. Обидно, что фильм так и не вышел?

— Вы знаете, я вообще не отношусь к типу людей, которые о чем-либо сожалеют. Конечно, жалко, что фильм так и не вышел. Но с другой стороны — я все-таки ее сыграла. И, может быть, впервые в жизни, а я всегда относилась к себе критически, сказала себе: "Настя, ты похожа на Маргариту". Я не хотела ломать представления об этом образе, я хотела совпасть с ним. И еще, что немаловажно, я не разыгрывала тему "ведьмизма". Ну какая она ведьма? Ведьма — это, вообще, фаза в жизни любой женщины. Каждая женщина однажды хочет разбить какие-то стекла. Смысл Маргариты не в этом. Для меня смысл этой роли в том, что она — единственная в русской литературе до такой степени жертвенная. Я до сих пор не понимаю, почему, когда Воланд сказал ей: "Чего вы хотите?", она попросила не за себя.

— Мне кажется, жертвенность не ваша стихия?

— Нет, это не так. Я считаю, большой грех — жить и грести под себя. У меня есть свой благотворительный фонд. Когда толпа начинала, я думала, что буду помогать молодым режиссерам, драматургам. Жизнь сама распорядилась иначе. Оказалось, что пришли люди, которым попросту нечего есть, не на что купить лекарства. 200 человек у меня на постоянном попечительстве, и я не су за них ответственность. Я не могу ответить на вопрос, почему после того, как кому-то помогла, сделала доброе дело, я еду куда-то и глупо улыбаюсь. Может, эта моя потребность развита не до такой степени, как у Маргариты. Но справа от меня и не сидит Воланд...

— А вам самой, как вы считаете, помощь не нужна?

— Вы знаете, я совершенно счастлива. Не оттого, что у меня все есть, а оттого, что я живу гармонично. Быть может, мне и стыдно об этом говорить, но это так. Ну да, у меня нет, скажем, ролей, которые могли бы меня по-настоящему заинтересовать... Но знаете, Грета Гарбо тоже в какой-то момент остановилась, перестала играть. Но ее же никто в этом не упрекнул: она как была Гретой Гарбо, так ею и осталась. Ну скажите, что бы изменилось, если бы она сыграла бабушку какого-нибудь Джона? Ровным счетом ничего-го.

Дмитрий МЕЛЬМАН.

— Да. (Впервые Вертинская позволила себе усмехнуться.) Его любимая мизансцена, никогда не забуду: сидит в кабинете, пижама, сверху халат, чай в подстаканнике. На одном колене — я, на другом — Маша. От него исходил запах изумительного мужского одеколона. Запах табака, немножко смешивающийся с запахом валидола. Он был невероятно добрым. Он источал... Даже не доброту. Он источал счастье.

— Как считаете, что в вас точно от отца?

— Вот все хорошее, доброе у меня от него. А все плохое, кошмарное... От жизни.

— Вы говорите, что сейчас вся ваша любовь сконцентрирована на сыне. Эта любовь оправдана на все сто?

— Да, конечно. Но я абсолютно необъективная мама. Он у меня единственный сын, и я его так обожаю, что совершенно слепа.

— Степан — хороший сын?

— Очень.

— Иного ответа от вас сложно было ожидать. Имею в виду какие-то общепринятые каноны. Звонит каждый день?

— Нет, конечно. Да это и глупо. Если брать за основу такие критерии — тогда он плохой.

— Бывает, что пропадает на месяц?

— Ну, на месяц — нет. Вообще, он не пропадает. Я всегда знаю, где он.

— Степан вас уже сделал трижды бабушкой. Честно говоря, сложно представить, что вы нянчитесь с внуками.

— Понимаете, в чем дело. Когда родилась Саша — самая первая внучка, — моя невестка Аллочка принесла ее ко мне со словами: "Сашенька, посмотри, это твоя ба..." И осеклась: "Ба, посмотри, куда мы пришли". Бабушкой меня никто не называет. Бабушка — это у нас Аллочкина мама, а же для них — Нана. Вася, второй внук, называл, так и пристало. А времени я с ними много провожу — полный уик-энд. Уже не представляю своего отдыха без того, чтобы не потискать внуков. Без конца играю с ними в какие-то игры...

— Так вот где проходите сейчас ваши главные спектакли?

— Да, мои роли там.

— Степан помогает вам материально?

— Конечно.

— Почему спрашиваю. Ведь как в жизни: если актер мелькает по телевизору или улицы оклеены афишами с его спектаклями — тут все понятно. А коли нет, возникает вопрос, на что живет.

— Да, конечно.

— Степан помогает вам материально?

— Конечно.

— Почему спрашиваю. Ведь как в жизни: если актер мелькает по телевизору или улицы оклеены афишами с его спектаклями — тут все понятно. А коли нет, возникает вопрос, на что живет.

— Да, конечно.

— Степан помогает вам материально?

— Конечно.

— Почему спрашиваю. Ведь как в жизни: если актер мелькает по телевизору или улицы оклеены афишами с его спектаклями — тут все понятно. А коли нет, возникает вопрос, на что живет.

— Да, конечно.

— Степан помогает вам материально?

— Конечно.

— Почему спрашиваю. Ведь как в жизни: если актер мелькает по телевизору или улицы оклеены афишами с его спектаклями — тут все понятно. А коли нет, возникает вопрос, на что живет.

— Да, конечно.

— Степан помогает вам материально?

— Конечно.

— Почему спрашиваю. Ведь как в жизни: если актер мелькает по телевизору или улицы оклеены афишами с его спектаклями — тут все понятно. А коли нет, возникает вопрос, на что живет.

— Да, конечно.

— Степан помогает вам материально?

— Конечно.

— Почему спрашиваю. Ведь как в жизни: если актер мелькает по телевизору или улицы оклеены афишами с его спектаклями — тут все понятно. А коли нет, возникает вопрос, на что живет.

— Да, конечно.